

Вия Аскерова

ВИНОВАТ,
принцесса-
ОШИБОЧКА ВЫШЛА.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вия Аскерова

Виноват, принцесса.

Ошибочка вышла.

<https://litres.ru/74517694>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Раздевайся. И так зря потратили время.

— Ты в своём уме?

— Мне нужна хорошая чистая девочка под боком. Удобно, доступно, без суеты и выноса мозга. Полное содержание и безлимит бабок. Хорошая цена для твоей гордости?

Она думала, что он — простой менеджер, который любит её.

Он думал, что она — очередная игрушка на полгода.

Увидеть его в ресторане с другой — больно.

Услышать их стоны из VIP-комнаты — унинительно.

Получить предложение: «Будешь моей за деньги» — пощёчина, которую невозможно забыть.

А потом появился ОН. В маске и с автоматом. Выбил дверь и разнёс полквартиры.

Утром он вернулся с самым нелепым извинением в мире:

— Ошибочка вышла. Бывает.

Теперь у Кати две проблемы. Бывший, который не умеет проигрывать. И ОН, который не собирается ее отпускать.

Но Катя не знает — эти двое знакомы с детства

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	41
Глава 7	50
Глава 8	60
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Вия Аскерова

Виноват, принцесса.

Ошибочка вышла.

Глава 1

Павел

До хруста сжимаю кулаки и почти бегу в нашу VIP-комнату. Чёрт! Совсем не контролирую себя рядом с ней. Там, в туалете, хотел нагнуть Катю прямо над раковиной. А теперь в голове свербит навязчивая идея — своими же руками придушить эту сучку, подружку моей Кати, которая посмела не выполнить мой приказ. Рука тянется к телефону. Пусть приволокут мне её сейчас же, хоть с орбиты снимут. Уверен: Маша специально подстроила сегодняшнюю встречу с Катей. Знала, кто я, и подстроила.

Набираю безопасника. Кирилл, мать его, не отвечает! Уволю. Сжимаю телефон так, что по стеклу ползёт трещина. Останавливаюсь, кулак снова встречается со стеной, оставляя на ней красные разводы.

Глубокий вдох. Медленный выдох. Снова вдох.

Пробегающая мимо официантка отшатывается в сторону

от меня.

— Всё на мой счёт запиши. И в туалете тоже, — от моего рыка девушка подпрыгивает.

Ловлю своё отражение в витраже. Настоящий псих. Глаза горят звериным блеском, рот дёргается в жутком оскале, волосы взлохмачены. Неудивительно, что официантку напугал. И Катю, кстати, тоже напугал. С шумом выпускаю воздух из лёгких.

Катя. Мысли снова о ней.

— Паша, ты ничего ей не сделаешь. Пожалуйста...

Огромные голубые глаза глядели, расширившись до невероятных размеров.

— Конечно, малыш. Не сделаю.

Её страх и слёзы заставили меня это сказать.

Телефон в руке оживает.

Кирилл.

— Отбой, — командую коротко и сбрасываю.

Никогда не нарушал своё слово и не собираюсь начинать.

Влетаю в VIP-комнату, швыряю телефон на стол. Гаджет скользит по полированной поверхности и замирает у края. Жена вздрагивает, но не смотрит на меня, продолжает ковырять вилкой в лингвини. Снова делает вид, что ничего не замечает.

Бесит! Её спокойствие, покорность, это наигранное безразличие вызывают тошноту.

Лана знает всех моих баб, но всегда молчит. Наивная, ду-

мает, что я не в курсе её сопливой слезки. А вот про Катю она не знает. Вернее, до сегодняшнего дня не знала. Этот вопрос я контролировал лично. Теперь, конечно, догадалась. И снова без истерик. Идеальная жена, мать её, которая никогда не посмеет посмотреть на меня так, как Катя. С вызовом, прямо в глаза, но дрожа от страха и злости одновременно.

Вилка врежется в стейк. Раз за разом. Жую быстро, не чувствуя вкуса.

Ведьма!

С самой нашей первой встречи вошла в мою голову и сидит там безвылазно.

Моя Катя.

Не ждёт она меня! А кого интересует твоё мнение, девочка?

С силой отталкиваю тарелку. Она делает изящный кувырок на столе, но не слетает с него, задержавшись на самом краю. Вилка с противным визгом царапает фарфор и летит вниз, а за ней и нож. Откидываюсь на спинку дивана, впиваясь взглядом в жену.

Красивая. Стройная. Мечта многих. После родов даже лучше стала. Идеальная картинка! А не встаёт на неё. Тело хочет другую.

Зато стоит только подумать о Кате... И всё, пиздец. Надо застёгивать пиджак на все пуговицы. Или бежать в туалет, как шестнадцатилетний пацан. Сегодня не выдержал, написал ей утром, что работать не могу — хочу её. И сейчас хочу.

До безумия, до боли в паху.

— На четвереньки, — собственный голос кажется чужим, хриплым от злости и возбуждения.

Лана застывает на несколько секунд, её спина напрягается, а пальцы сжимают салфетку. Затем жена медленно откладывает вилку в сторону, забирается с ногами на диван и становится на четвереньки: всё, как я хочу. Покорно. Молча. Правильно. Немедленно.

Не спешу подходить. Одним глотком опустошаю стакан с водой.

Перед глазами — Катя. Наша первая встреча. Семь месяцев назад. Июль. Летняя жара душила сильнее верёвки без мыла. И в целом день был паршивый. Утром попал в ДТП, днём слетела сделка с французами, несчастный случай на стройке, затем жирный государственный контракт конкуренты перехватили. Я в тот день убивал взглядом. Уже домой собирался. Дал поручения секретарю и, сам не знаю почему, не спустился по офисной лестнице, как всегда, а поехал в лифте.

Когда двери лифта с тихим звоном распахнулись на первом этаже, я увидел сначала длинные каштановые локоны, струящиеся по хрупким плечам, а затем тоненькую, словно выточенную скульптором фигурку. Катя стояла на коленках перед дверями лифта, тихо всхлипывала и собирала разлетевшиеся бумаги. Некоторые из них были в песке, со следами обуви. Очевидно, мои сотрудники уже пробежались по

ним ногами.

Я замер.

А когда Катя подняла голову и посмотрела на меня своими влажными от слёз голубыми глазками, я поплыл. На четвёртом десятке лет, блядь, поплыл.

Жестом приказал подбежавшей охране свалить в туман, опустился рядом с Катей на корточки и стал помогать ей собирать документы.

— Не надо, я сама. Извините, — она всхлипнула, слегка сморщив свой маленький носик.

— Это всего лишь бумаги. Они не стоят ваших слёз, девушка.

Катя вздохнула. Так глубоко, что тонкая ткань платья натянулась на груди. Я отвёл взгляд. Поздно. Увидел.

— Их теперь Ракитин точно не подпишет, а меня уволят. Его и так долго уговаривали, а в таком виде... — она снова всхлипнула. — Ужас. А у меня ипотека. Я не хочу идти в официантки или танцовщицы. Понимаете?

Улыбка сама собой расплылась на губах. Я уже давно не улыбался по-настоящему, без усилия. А тут — само.

— Попробуем решить вашу проблему, — сказал я, вставая.

Протянул ей руку, чтобы помочь подняться. Маленькая, тёплая ладошка обхватила мою. И всё — тело прошибло током прямо по позвоночнику, от затылка и ниже.

— А вы можете? Вы его заместитель? — Катя скользнула

взглядом по моему костюму, явно сообразив, что он не из дешёвых.

— Нет, девушка. Я обычный менеджер в этом гадючнике. Но если не конфликтовать с секретарём руководителя, то возможным становится многое. Давайте сюда ваши бумаги.

Катя скептически посмотрела на меня, быстро сложила собранные документы в папку и передала мне.

— Ждите здесь, девушка.

— Катя, — наконец представилась она.

— Павел, — я слегка усмехнулся и шагнул назад в лифт.

Я подписал всё.

Это был абсолютно ненужный мне спонсорский проект. Документы оформили с кучей ошибок и неточностей, не на тех условиях, на которые мы договаривались накануне. Но я подписал. И добросовестно спонсировал Катиного работодателя даже больше, чем требовалось.

Катя не понимала, почему её, простого бухгалтера, отправили с этими документами. А я понял всё сразу.

Их план удался. Я клюнул на эту девушку мгновенно. С первого взгляда. И плевать было на то, что меня тупо развели.

А когда понял, что Катя невинна, то радовался этому факту, как ребёнок, получивший петушка на палочке. Чёрт! Заработав свой первый миллион, не испытал таких ярких эмоций. Я никогда и ни с кем не был таким аккуратным и внимательным. Сам себе удивлялся.

Затем я врал ей каждый день. И Катя верила мне. Смотрела на меня влюблёнными глазами, сворачивалась ласковой кошечкой на моей груди и полностью доверяла, не задавая лишних вопросов.

Внутри неприятно заскребло сожаление. Закурить бы сейчас... Нельзя, бросил.

Резко встаю и подхожу к дивану. Жена всё ещё стоит на четвереньках, ждёт. Рванув молнию брюк, задираю её платье на талию. Пальцы безжалостно впиваются в стройные бёдра, отодвигают тонкую полоску кружева.

Начинаю долбить. Бешено, так, что диван едет по полу.

Лана сжимает ладони в кулачки и опирается на них.

— Паша... сюда могут войти... — сквозь прорывающиеся стоны голос жены звучит хрипло.

Актриса.

— Насрать. Расслабься.

Я знаю, что она врёт. Просто терпит. Но за её удовольствием не слежу уже давно. Хочу слить и всё.

В какой-то момент совсем теряюсь в реальности.

— Вот так, девочка. Да... Катя... да-а-а ...

Волна накрывает быстро. И почти сразу я понимаю, что оговорился.

Плевать!

Лана напрягает спинку и замирает на несколько секунд, прислушиваясь. Затем протяжно стонет, делая вид, что не расслышала чужого имени. Только яростно рвёт ногтями

мягкую обивку дивана.

Святая.

Отстраняюсь и застёгиваю брюки.

Так даже лучше.

Теперь я смогу дарить Кате подарки, водить в рестораны, возить на отдых, брать в командировки с собой. Полностью обеспечивать её буду. От такого не отказываются. Катя простит меня. И уже завтра будет жарко благодарить.

Аж причмокиваю, предвкушая, как буду брать её. Снова и снова. Везде, где захочу.

Глава 2

Катя

— Екатерина, твои — пятая, шестая, седьмая, восьмая, девятая VIP-ки, а также первый ряд столиков у окна во втором зале. Справишься?

Взгляд Елены Ивановны полон искреннего участия, сквозь которое отчётливо проступает сомнение. Она смотрит на меня так, как смотрят на человека, который вот-вот шагнёт с обрыва.

Киваю администратору, поправляя элегантное чёрное платье ниже колен, с удивительной точностью повторяющее каждый мой изгиб.

— Ну, несколько столиков могу между девчонок раскидать, — женщина за долю секунды считывает неуверенность в моих движениях и моё внутреннее состояние «ой, мамочки».

Она видит меня насквозь. Все видят. Я стою посреди комнаты для персонала, и мне кажется, что мои мысли написаны у меня на лбу крупным жирным шрифтом.

— Мы не возражаем! Да, девочки? — тут же откликается рыженькая Алёна.

Кожей ощущаю взгляды коллег — скучающие, любопыт-

ные, оценивающие. Я словно нахожусь в другой исторической эпохе, и меня с непониманием изучают местные жители. Непроизвольно дёргаю плечами. Ох, сколько же неожиданного внимания к моей персоне!

— Ты за себя говори! Раскомандовалась тут! Мне и моих столиков хватает. Тебя Машка постоянно прикрывает, вот и возись с этой... — Римма бросает короткий презрительный взгляд и отворачивается.

Чужеродность этого ресторана всё глубже проникает в меня. Да, он дышит иной жизнью. Воздух здесь гуще, запахи дороже, мебель изысканнее, люди увереннее. Всё кричит о деньгах и власти его гостей. А я чужая здесь. Самозванка.

— Да не злись ты так. От нескольких лишних столиков не свалишься, — ещё одна официантка слегка хлопает Римму по спине. — Все мы впервые выходили в зал. Ты забыла, как сама косячила постоянно, и как тебе помогали?

— Вот именно! Раскидывайте, Елена Ивановна. Поможем и приглядим за новенькой, — ко мне подходит ещё одна девушка, — а ты не стесняйся и не бойся! Если что, сразу спрашивай.

За спиной слышатся подбадривающие возгласы. Я снова киваю, хотя внутри вся сжимаюсь и забиваюсь в угол.

Зачем я согласилась?

Обречённо вздыхаю. Опять повелась на уговоры подружки и ввязалась в её очередную авантюру. Несколько дней назад Маша клялась, что меня поставят на простые столики. Я

просто пронесу поднос, улыбнусь, приму заказ.

— Кать, ты же помнишь, как мы в студенчестве пахали? Руки сами всё сделают.

Ага, руки, может, и помнят. А вот ноги предательски дрожат в новых, цвета крови, туфлях на огромных шпильках. Не помню даже, когда в последний раз ходила на такой высоте. Ах да, на выпускном в универе, кажется. И платье ещё это: слишком узкое, слишком красивое, слишком не моё... В подобной одежде ходят в оперу, в театр, на светский раут, но точно не таскают подносы с едой.

За три года работы бухгалтером я привыкла к офисному дресс-коду, который постепенно переместился и в мою личную жизнь. И нет, это не бабушкины костюмы, пахнущие нафталином и не вызывающие ничего, кроме скуки. Я одеваюсь строго, элегантно, сдержанно, но современно. Вещи сидят идеально и подчёркивают все мои «прелести», но без кричащей сексуальности и открытости.

— Ладно уж. Я тоже возьму дополнительный. Довольна?
— Римма обрывает мои мысли своим звонким голосом.

— Довольна, — кривится Алёна. — Что, совесть к тебе вернулась из далёкой командировки? Ты её больше не отпускай никуда.

— Ну, ты и стерва, Алёна.

— Спасибо вам всем за поддержку, — выдаю неожиданно для себя самой и поворачиваюсь в сторону администратора. Голос звучит спокойно и уверенно, хотя внутри всё дрожит,

трещит, обрывается и падает. — Елена Ивановна, не нужно раскидывать мои столики. Я справлюсь сама. Мне это всё не впервой.

— Уверена? — в её голосе звучит явная настороженность. — У нас элитное заведение. Ты в таком не работала. Здесь есть особенности.

— Я уже поняла это, — мягко улыбаюсь администратору, кивая на свою униформу.

— Наши гости — статусные люди. Здесь важно всё: как ты говоришь, как смотришь, как подаёшь, — Елена Ивановна делает паузу, позволяя мне осознать каждое её слово, — высшее образование, интеллект, знание этикета и языков, определённый типаж внешности отличают официанток. Это имидж нашего ресторана, его «изюминка».

— Я поняла.

— Иногда обслуживание одного столика затягивается на неопределённое время, — продолжает женщина, и взгляд её становится жёстче. — Гость может захотеть «поговорить». Твоя задача — максимально корректно поддержать беседу и тактично из неё выйти. Конфликтов с гостями быть не должно. В любом из них виновата будешь ты. Всё понятно?

— Да.

— Наши гости привыкли к совершенству. Во всём, Екатерина. Мы не просто подаём еду. Мы дарим гостям атмосферу роскоши и безупречный опыт, поэтому мелочей здесь не бывает.

Крепко прижимаю влажные ладони к бёдрам и чувствую пробегающий по спине холодок. Безупречный опыт, беседы, атмосфера роскоши ...

Кажется, мой первый опыт здесь будет далёк от безупречности.

Прости меня, Машка, я буду очень стараться.

Глава 3

Катя

Моя смена начинается через сорок минут. В голове крутится строчка из старой и всем известной песенки: «Это много или мало...» Зависит от того, что делать... Вот мне нужно выучить меню, от цен в котором шумит в ушах.

Перечитываю его в десятый раз. И в десятый раз задаюсь вопросом: неужели люди действительно столько тратят на еду? Мысленно сравниваю эти суммы с квартплатой, ценами на продукты, своей месячной зарплатой. Ладонь с лёгким хлопком накрывает лоб.

Перевожу взгляд на журнал, лежащий на столике рядом с меню. В нём подробно описано каждое блюдо — то, о чём я должна рассказывать гостям. Тянусь к стакану с водой. Нет, на память я никогда не жаловалась. И на скорость восприятия новой информации — тоже. Но сейчас со мной происходит непонятное: буквы сливаются в иероглифы, цифры пляшут, а ноги выстукивают ритм, кажется, похоронного марша.

Ох, Машка, Машка...

— Не старайся запомнить всё наизусть, — Алёна бесшумно опускается рядом, — тебе нужно знать название блюда и его основные ингредиенты.

Я даже не заметила, как она вошла в комнату для персонала.

— Успокойся, — девушка легко машет рукой. — Наши гости редко задают много вопросов. Это не так страшно, как кажется. Ты должна запомнить несколько самых популярных блюд из каждой категории. Сейчас покажу.

Внимательно слушаю, не отрывая взгляда от Алёны. Она ловко перелистывает страницы и кратко озвучивает их содержание. Удивительно, но на слух я запоминаю гораздо лучше.

— А напитки предлагаешь, исходя из того, что гости заказали из еды. Вот эти — универсальные. Алкоголь тоже запоминай по категориям. Особое внимание удели винной карте, — Алёна передаёт мне меню.

— Спасибо.

— Ага. Не буду тебя отвлекать, — она смотрит на часы на тонком запястье, — у тебя ещё есть время.

Ровно через пятнадцать минут я выхожу в зал.

И замираю, оглядываясь.

Хрустальные люстры и дизайнерские светильники наполняют просторное помещение приглушённым тёплым светом. Огромные окна позволяют наблюдать за жизнью на набережной и любоваться мерцающей под закатным солнцем водной гладью.

Тяжёлые бархатные портьеры, блеск паркета под ногами, белые скатерти, эксклюзивная фарфоровая посуда ручной

работы, тяжёлые столовые приборы, столики из красного полированного дерева в окружении массивных мягких кресел, ненавязчивый аромат цветочных композиций в хрустальных вазочках — всё создаёт ощущение уюта и абсолютной конфиденциальности, подчёркивая «особый» статус гостей.

Идеальное место для отдыха, где время замедляется.

Вздрагиваю от лёгкого гула, который проносится по залу. Первые гости. Мужчины в дорогих костюмах, женщины с идеальным маникюром и сумками из гляцевых журналов. Пары плавно занимают места за столиками, небрежно рассматривают меню, смеются. Рядом с ними беззвучно двигаются официантки. Те самые девушки, которые пару часов назад удивлённо рассматривали меня на планёрке. Их движения — плавные, почти невесомые, их улыбки — сдержанные, но приветливые.

А я стою, проклиная Машку и свою алчность.

— Ну, чего ты думаешь? Или у тебя денег много? Ипотека сама себя не закроет, Катя. Всего одна смена, а платёж внесёшь за несколько месяцев! Или твой Павел разбогател?

Да, моя Маша умеет убеждать. На мою бухгалтерскую зарплату особо не разгуляешься. А Паша — обычный менеджер по продажам в строительной компании. Он, конечно, пытается мне помогать. Но глупая гордость в сочетании со строгим маминым воспитанием упорно не позволяет мне принять от любимого мужчины ничего серьёзного. Только цветы и продукты для готовки. Вот поженимся, тогда и пересмот-

рю свои принципы.

— Екатерина, твои пошли, — голос Елены Ивановны звучит неожиданно громко. — Столик пять.

Прижимаю ладонь к уху, где скрывается маленький беспроводной наушник. Ох, до конца смены точно оглохну и рухну раз пять с этих шпилек. Губы дёргаются в едва заметной усмешке. Глухая и хромая, зато с деньгами. Слабоватое утешение.

Пятый столик. Мужчина и женщина изучают меню, не глядя на меня. Они не задают вопросов и не капризничают, просто называют блюда. Я улыбаюсь и отмечаю заказ в блокноте.

У стойки раздачи делаю вдох, выдох. И понимаю, что мне становится легче, страх уходит, а я передаю заказ.

Беру поднос. И вдруг осознаю, что совершенно не помню каково это — держать его на весу одной рукой.

— Не урони, — шипит за спиной Римма. — Опору делай на всю ладонь, пальцы расставь пошире. Не сгибай их. Поднос не поднимай выше плеча.

Я не оборачиваюсь, только киваю, соглашаясь со всем, что говорит «коллега», и с усердием отличницы выполняю все её инструкции.

— Спасибо.

— На здоровье. Опытная, блин, — Римма проскальзывает мимо.

После нескольких заказов ноги привыкают, а тело вспо-

минает то, что мозг давно забыл: как обходить столики так, чтобы не задеть ни один угол, как улыбаться так, будто от этого зависит твоя жизнь, как исчезать едва заметно сразу после того, как сделал свою работу.

— Екатерина, девятая VIP-ка. Прими заказ, — голос в наушнике бьёт прямо в ухо.

Девятая VIP-ка. Зеркала, бархат цвета бургунди, тусклый свет, окутывающий всё вокруг и создающий интимную атмосферу. В углу тихо журчит небольшой фонтанчик. За столиком — пара.

Он — в идеально сидящем дорогом костюме. Расслабленно откинулся на спинку дивана, пальцы его правой руки рассеянно постукивают по столу, массивное кольцо на безымянном пальце гипнотически притягивает взгляд. Спокойная и уверенная поза. Поза человека, который привык, что мир меняется по его первому желанию.

Она — молодая, безумно красивая, с копной светлых вьющихся волос. Идеальное лицо с правильными чертами, идеальная фигура с идеальной грудью, гордая осанка и идеальный маникюр. Такие женщины никогда не спрашивают цену. Они просто показывают пальцем, и им приносят.

Я делаю шаг вперёд, и в следующее мгновение воздух застревает в лёгких.

До слёз в глазах, до острой боли в сердце знакомый древесно-пряный запах лишает способности двигаться.

Глава 4

Катя

Я застываю у входа. Ноги тяжелеют, не позволяя сделать даже крохотный шаг.

Нет. Не может быть. Показалось. Это не может быть ОН.

У него и денег-то нет, чтобы ходить в такой ресторан! Крепко зажмуриваюсь, а потом открываю глаза. Морок не рассеялся. Кольцо на пальце. Но мой Павел не женат.

— Развёлся два года назад, тяжёлый развод, не хочу торопиться, — он сказал это сразу.

Я поверила. Потому что когда мужчина смотрит на тебя так, будто ты — единственная женщина в галактике, ты не думаешь проверять документы. Ты вообще перестаешь думать.

Дура.

— Девушка, вы чего там застыли? — в голосе гостьи скользит раздражение. — Вам плохо?

— Простите, — быстро подхожу к столику. — Вы готовы сделать заказ?

Я не узнаю собственный голос. Он звучит слишком глухо, словно я говорю из могилы. Но Павел реагирует: его пальцы замирают на столе, спина напрягается, а плечи выстраивают-

ся в одну прямую линию. Он медленно поворачивает голову и ловит мой взгляд.

На долю секунды его зрачки расширяются, челюсть сжимается. А дальше на его лице возникают маска полного безразличия и холод в глазах, будто он видит меня впервые. Будто это не он вышел из моей квартиры сегодня в полночь, потому что «на работе аврал, а завтра нужно рано вставать». Будто это не он писал мне утром: «Я хочу тебя так, что не могу работать. Скучаю». Будто это не он звонил мне три часа назад, обещал приехать завтра утром, потому что сегодня должен работать до глубокой ночи, а завтра и послезавтра у него будут отгулы.

Я ещё подумала, как удачно сложилось: не нужно будет рассказывать ему про ресторан, и мой отпуск с сегодняшнего дня как раз кстати.

— Готовы. Давно. Вы с небес на землю уже спуститесь. Я с мужем шла в элитный ресторан, а не в дешёвую столовую.

— Лана, хватит. У девушки, наверное, первый рабочий день, — ровный и тихий голос.

ЕГО ГОЛОС.

Голос, который шептал мне ночью: «Ты моя любимая девочка. Я люблю тебя, Катюша. Моя Катюша».

— И поэтому ей можно портить нам настроение и плевать на свои прямые обязанности?

Павел молча впивается взглядом в лицо жены. Этого оказывается достаточно, чтобы она вздрогнула и резко уткну-

лась в меню. Оказывается, он умеет смотреть так, чтобы стало страшно. Никогда раньше не видела у него такого взгляда.

— Лингвини с лобстером, тьян из тунца и авокадо, овощное плато, тирамису, зелёный чай с мятой, стакан воды без газов. Не ошибся, любимая?

Лана кивает, не глядя на Павла. Закрывает меню, громко хлопнув при этом. Отбрасывает его на край стола.

— Теперь дальше. Стейк вагю, овощи гриль, филе миньон, перец тоннато, кофе чёрный, стакан воды без газов.

— У нас обновлена винная карта. Обратите внима... — мой голос дрожит.

К чёрту эту поганую гордость и никому не нужное самообладание. Моргаю часто-часто, до боли в пальцах сжимаю ручку с блокнотом. На него не смотрю. Обращаюсь к Лане. Только к Лане. Она, может быть, ничего не знает. Конечно, не знает. Сейчас мне проще думать, что она — просто гостья, просто женщина, а не его жена.

— Больше ничего не нужно, — Павел не даёт мне договорить.

На негнущихся ногах направляюсь к выходу. В памяти всплывает фраза, сказанная им на днях: «Любимая, я хочу познакомиться с твоей мамой». И эти несколько слов червём вгрызаются в моё сердце. А то, что доносится в спину, окончательно лишает уверенности в том, что земля твёрдая.

— Паш, а давай оставим детей на няnek и слетаем куда-нибудь. Хоть завтра. А?

— На выходных, малыш. Завтра я работаю.

В коридоре прислоняюсь к стене. Я не плачу. В VIP-ке едва сдерживала слёзы, а сейчас они исчезли так же внезапно, как прекращается летний дождь.

Я просто стою и смотрю в одну точку. Точка — это бра. Стекло, матовое, с латунным ободком. Видимо, очень дорогое. И посуда тоже очень дорогая. Если разобью, то оплатить точно не смогу. Задышаюсь. Дышу часто-часто. А воздуха всё равно не хватает.

Мы знакомы семь месяцев.

Я перестала встречаться с подругами по пятницам. Перестала планировать выходные. Перестала думать о будущем, потому что он был здесь, сейчас, и этого казалось достаточно. Я умирала с ним и рождалась снова. Каждый раз. Только с ним.

— Екатерина, первая VIP-ка. Повторить напитки, — снова раздаётся голос в наушнике.

С трудом отрываюсь от стены и бреду в сторону бара. А нужно сначала сдать заказ Павла. Разворачиваюсь в сторону раздачи. Голова гудит, ноги не слушаются, спотыкаюсь.

— Ты чего? — меня ловит Алёна.

— Я не могу. Пожалуйста, подмени меня в девятой VIP-ке. Я не могу... — слёзы наконец обретают свободу, скатываясь солёным потоком по щекам.

— Тише-тише. Ну, чего ты так расстроилась? Бывают проблемные гости. Это — да. Не реветь же из-за этого! — де-

вушка обнимает меня, поглаживая по спине. — Сходи, умойся. Я подменю тебя в девятой. Давай заказ.

Вырываю листик из блокнота и протягиваю Алёне. Бумага дрожит в пальцах.

— В первой напитки надо повторить, — вырываю ещё один, тоже протягиваю девушке.

В служебном туалете без сил сползаю по стенке. Здесь нет камер, а значит, и необходимости притворяться тоже нет. Притягиваю колени к груди, опускаю на них голову, обхватываю ноги руками. Цветочный аромат освежителя для воздуха въедается в лёгкие, смешиваясь с ненавязчивым запахом хлорки от холодной плитки на полу. В любой момент сюда могут войти. Но мне всё равно. Громко всхлипываю. Понимаю, что слёзы не помогут. Нужно успокоиться, умыться и выйти в зал.

Нужно.

Дверь распаивается с резким и неприятным звуком. Щелчок. Шаги и тишина. Макушкой ощущаю тяжёлый, намертво прибивающий к полу взгляд. Всем телом напрягаюсь, даже замираю на минуту. Всё же заставляю себя поднять голову и сталкиваюсь с ЕГО зелёными глазами. Они горят изумрудными огоньками хищника: ни капли сожаления, ни капли раскаяния. Только спокойный внимательный взгляд.

— Катя, Катя, Катя... — растягивая каждый слог, тянет моё имя, будто пробует на вкус особый деликатес.

Опускается передо мной на корточки.

— Ты что здесь делаешь, малыш? — вытирает ручейки на моих щеках своими широкими, горячими ладонями.

Почти нежно. Почти ласково. Но на его лице гуляют желваки. Я боюсь его такого. Это не мой Паша.

— Машку заменяю, — отвечаю, с трудом разлепив губы.

Павел резко встаёт. Мгновение — и я тоже стою на ногах, прижатая к стене его руками на моих плечах. Он нависает надо мной.

— Машка, значит, — его глаза каменеют, а кулак врежется в стену возле моей головы, застывая там.

Вскрикиваю и закрываю лицо ладонями. Сердце бешено стучит, стремясь вырваться наружу.

— Сука непослушная. Я её... — не договаривает, убирает мои ладони с лица.

— Паша, ты ничего ей не сделаешь. Пожалуйста, — сглаживаю несуществующий ком в горле.

— Конечно, малыш. Не сделаю. Прости, что напугал тебя, — он нежно касается моей щеки, а в его глазах вспыхивает вина, но тут же гаснет. Или мне это только кажется?

— Перестань. Тебя жена ждёт, — сбрасываю его руку.

— Ждёт, — произносит задумчиво. — Катя, я приеду к тебе завтра утром. Как и обещал. Мы поговорим и всё решим.

— Нам больше не о чем говорить. Я тебя не жду, — пытаюсь оттолкнуть мужчину, но он прижимает меня к себе, смыкая руки на моей спине и заставляя почувствовать себя

в ловушке.

Его твёрдая мускулистая грудь, его тепло, его запах, его руки на моей спине и бёдрах... Закрываю глаза, наивно полагая, что так можно спрятаться от него, перестать чувствовать напряжение внизу живота. Тело помнит. Тело хочет. И это предательство самой себя так же невыносимо, как и ложь Паши.

— Малыш, я приеду, и мы поговорим. Не делай глупостей. Ты же умная девочка. Всё будет хорошо, Катя, — целует в висок и резко отпускает меня.

Он уходит, а я стою, привалившись к стене, и слушаю тишину. Место поцелуя горит и пульсирует. Не знаю, сколько времени проходит. Но я наконец умываюсь и возвращаюсь в зал.

Сама не знаю зачем, но иду через девятую VIP-ку. Просто мимо. Красноречивые стоны за дверью заставляют остановиться на несколько минут. Дверь приоткрыта, поэтому звукоизоляция не работает. Хочется заглянуть. Очень. Делаю шаг, но меня останавливают эти звуки — влажные, нежные, интимные. Звуки, которые я знаю. Которые были адресованы мне ещё вчера.

— Паша, сюда могут войти, — сквозь стоны голос Ланы звучит хрипло и возбуждённо.

— Насрать. Расслабься.

Плотно закрываю дверь в VIP-ку. На губах появляется неуверенная, горькая улыбка. Глупая надежда, что муж не

спит со своей женой, огромным булыжником тонет в этих криках и вздохах за дверью.

И я — глупая. Теперь понимаю.

Глава 5

Катя

До конца смены я старательно обхожу девятую VIP-ку столовой. Ноги сами замедляют шаг, когда я прохожу мимо. За дверью — другие гости. Шумная компания празднует день рождения.

Павел ушёл. Со своей женой.

Определённо, жизнь надо мной потешается. Полгода с хвостиком я живу с мужчиной и НИ РАЗУ НЕ ЗАПОДОЗРИЛА его в обмане. Нет, это не жизнь потешается. Это мои мозги выключились. Внезапно, подобно выбившимся пробкам из счётчика электроэнергии. В моей голове потух весь свет, и разум просто заблудился в кромешной тьме. Такое возможно? Выходит, ещё как.

А ведь Паша ночевал у меня, проводил со мной выходные, ходил в магазин, отвозил на работу и забирал после неё. В моём шкафу висит его одежда, в коридоре стоит его обувь. Он отсутствовал в моей квартире только пару раз в неделю, но всегда предупреждал и объяснял причину. Сюрреализм какой-то.

Ох, скорей бы попасть домой и заснуть. Вдруг всё исчезнет?

В два часа ночи я с облегчением выдыхаю, чувствуя себя мышкой, выбравшейся из капкана и готовой надёжно спрятаться в своей норке.

Моя смена закончена.

В служебном помещении сталкиваюсь взглядом с другими девчонками. Быстро, поджав губы, иду к шкафчику с вещами. Сочувствие и любопытство в глазах «коллег» раздражают. Они всё знают. Но молчат. Или не знают, а у меня развивается паранойя. Кожа под их взглядами начинает чесаться.

— Кать, ты как? — спрашивает Алёна, с тревогой меня осматривая.

— Нормально.

— Ты блее стены. Проблемы были? — участливо интересуется Римма.

— Всё хорошо.

Снимаю туфли. Ступни болят так, что дыхание перехватывает. Пытаюсь расстегнуть платье — молния заедает. Или просто пальцы не слушаются.

Римма молча подходит, мягко отводит мои руки в стороны, застёгивает молнию обратно, а потом аккуратно расстёгивает её до конца.

— Ты — молодец, — шепчет мне на ухо.

— Я очень устала. Первый блин не комом, но ноги гудят. Как вы только ходите в них? — киваю на туфли.

— Привычка, — отвечают девчонки хором.

Снова киваю. Не хочу ни с кем разговаривать. Быстро переодеваюсь, вызываю такси, прощаюсь со всеми и выхожу на улицу.

Темно, тихо и морозно. Крупные снежинки кружатся в свете ночных фонарей. Я люблю зиму. И снег люблю. И мороз. Но сейчас это меня не радует, не вызывает тепла в груди. Холодный воздух входит в лёгкие, но не освежает, не вызывает приступы радости, как раньше, а только студит изнутри.

Сбоку доносится рёв мотора. Такси подъехало.

Я аккуратно семеню к машине, боясь поскользнуться. Падение точно не входит в мои планы. Ванна, чай, кровать и сон — вот единственное, чего я сейчас хочу. Почти дохожу, как слышу шаги за спиной.

— Екатерина Андреевна, пойдёмте. Машина ждёт.

Обернувшись, пытаюсь разглядеть того, кто со мной говорит. Это мужчина: высокий, крепкий, с каменным лицом и чёрными глазами. Не понимаю, что происходит. Совсем не понимаю.

— Я с вами никуда не поеду, — мой голос звучит ровно, но ноги предательски дрожат, выдавая моё состояние. — Кто вы?

Оглядываюсь, оценивая расстояние до входа в ресторан. Успею или не успею добежать? Дверь тяжёлая, но если рвануть и закричать...

— Алексей. Я ваш водитель.

— Какой водитель? Вы что-то путаете...

— Это приказ Павла Олеговича, — мужчина перебивает меня.

Ладони в шерстяных перчатках сами собой сжимаются в кулаки. Окружающий мир со всеми его звуками, запахами и людьми, будто смывается одним уверенным движением, оставляя вместо себя лишь серое пятно. Даже снежинки перестают быть снежинками и превращаются просто в белые точки, летящие в темноте.

«Приказ Павла Олеговича». Всего несколько безобидных слов, а мои щёки горят, словно от пощёчины. Очень хочется рассмеяться: громко и звонко. Но губы лишь слегка дёргаются в слабой, язвительной улыбке.

— Услуги водителя мне не нужны. Так и передайте вашему Павлу Олеговичу.

— Екатерина Андреевна, мне разрешено применить силу в случае вашего сопротивления. Извините, — он машет таксисту, отпуская его.

Мерзавец. Как он посмел? Как посмел решать за меня? Я ему кто?

— Какие ещё приказы вам отданы? — голос звенит от злости, которую я не могу скрыть.

— Отвезти вас домой и проследить, чтобы вы дождались Павла Олеговича в своей квартире.

Понимание происходящего накрывает внезапно. Вещь, которую возвращают на место. Вот оно, моё место в жизни Паши. И всё, что я заслуживаю, так это «отвезти и просле-

дить». Сухой и чёткий приказ. Всего лишь пунктик в списке задач мужчины, который, как мне казалось, любит меня.

Какое-то время в упор смотрю на мужчину, раздумывая. Если сейчас побегу — догонит, вернусь в ресторан — подождёт, попробую выйти оттуда через другой выход или окно — буду выглядеть глупо. Ну, правда, какой сейчас смысл сопротивляться? Пусть доведёт. В конце концов, удобно, бесплатно и безопасно. А главное — мне нужно беречь силы для разговора с Пашей. Судя по всему, он не исчезнет из моей жизни так просто.

— Отвезите и проследите, — бросаю Алексею и направляюсь в сторону припаркованного чёрного внедорожника.

Это же его машина? Других здесь не наблюдается.

Алексей опережает меня и открывает заднюю дверцу. Ждёт, пока я устроюсь на сиденье, затем захлопывает дверцу, обходит машину и занимает место водителя.

Внедорожник плавно трогается. В окне проплывает подсвеченная набережная, мост, витрины закрытых магазинов.

— Адрес не стоит называть, да? — не жду ответа, он и так известен.

Алексей игнорирует мой вопрос. Смотрю на его затылок: короткая стрижка, мощная шея, неподвижные плечи. Не человек, а скала.

— И какую силу вам приказали применять? Избили бы меня, чтобы не сопротивлялась? Заткнули бы рот, связали и бросили бы в машину? Или в багажник?

Я теряю контроль. Вообще теряю. Глаза застилает влажная пелена. Голова кружится, а вдыхаемый воздух, кажется, раздирает горло в кровь.

Машина проезжает светофор, поворачивает и ныряет под мост.

Закрываю глаза и прислоняюсь щекой к холодному стеклу.

Зачем я это спрашиваю? Что хочу услышать? Что Павел не мог отдать ему такой приказ? Что не мог разрешить чужому мужику сделать мне больно? Мог. Уже сделал это.

Крепко зажмуриваюсь, пытаюсь удержать слёзы внутри. Кусаю щёку до железного привкуса на языке.

— И часто вы получаете такие приказы? — не открываю глаза и тут же сама себе усмехаюсь. — Конечно, часто. Видно же, что уже привыкли причинять боль. Даже не пожалели бы меня.

Алексей снова не отвечает, только с шумом вздыхает и медленно вертит головой вправо-влево, словно разминает онемевшую шею.

Я отстраняюсь от стекла и смотрю прямо в зеркало заднего вида.

Мужчина ловит мой взгляд в зеркале, но сразу же переключает всё своё внимание на дорогу впереди.

Тишина в салоне накрывает плотным покрывалом и заставляя физически ощутить дискомфорт. Я смотрю в окно, мужчина смотрит на дорогу. За окном проплывают зна-

мые улицы, дома, деревья.

Как только внедорожник замирает у подъезда, я не жду, пока Алексей выйдет. Тяну ручку и пулей вылетаю из машины.

— Спасибо, — бросаю водителю на бегу и скрываюсь в подъезде.

Лифт ползёт бесконечно долго. Переминаюсь с ноги на ногу, потому что сложно стоять после стольких часов на каблуках: пальцы на ногах ноют, икры горят. Хватаюсь за перила, чтобы не упасть, когда кабина вдруг дёргается и останавливается.

Седьмой этаж.

Моя дверь.

Роюсь в сумке в поисках ключей. Руки не слушаются, пальцы скользят по гладкой ткани подкладки, по молниям, по кошельку. Твою же мать, где ключи?

Нахожу их в маленьком кармашке, куда никогда ничего не кладу. Дрожащими руками пытаюсь попасть ключом в замочную скважину. И через пару минут мне это удаётся: поворот, щелчок, дверь открывается.

Я дома.

Несколько минут просто стою, даже не закрыв дверь, и растерянно вглядываюсь в тёмное пространство перед собой. Внутри невыносимо жжёт, как если бы я выпила что-то едкое.

Медленно тянусь к дверной ручке и захлопываю дверь,

включая свет, разубаюсь. Куртка, шапка, свитер, джинсы, носки, бельё — всё летит на пол прямо у двери. Бреду в ванну.

Тёплая вода расслабляет, немного успокаивает нервы и делает жизнь чуточку легче. Долго стою под струями, закрыв глаза. Жаль, что вода не может смыть ту грязь, что скопилась во мне.

Вылезаю из ванны, кутаюсь в пушистый махровый халат. Неуклюже повернувшись, задеваю открытую полку. Всё её содержимое мгновенно летит на пол. Глубоко вздыхаю и, поджав губы, начинаю собирать свои баночки. Взгляд сам застревает на бутылке геля для душа. Его геля.

Я даже не знаю, что чувствую в этот момент. В груди гуляет ветер, заставляя меня поверить, что я просто оболочка фарфоровой куклы, внутри которой — пустота.

Хватаю этот чёртов гель и несусь на кухню. Выдернув из рулона мусорный пакет и швырнув в него гель, возвращаюсь в ванну. Пена для бритья, бальзам, станок, зубная щётка — в пакет.

Лечу в спальню. Шкаф нараспашку. Всё с полок Павла сгребаю в пакет, не глядя. Дальше — прихожая. Кроссовки, ботинки, тапки — тоже в мусор. Срываю его куртку с вешалки. Чёрт! Вешалка с грохотом падает и бьёт по ноге. Боль простреливает от ступни до бедра, и я со стоном опускаюсь на колени. С остервенением впихиваю в пакет и куртку, и вешалку, отшвыриваю его в сторону. Завтра выброшу. То есть

уже сегодня, но позже.

На кухне набираю стакан воды и жадно пью. Ещё один. И ещё. Потом ставлю чайник. Потом понимаю, что чай не хочу. Выключаю. Внезапно вспоминаю: у Паши есть ключи.

И что мне делать? Ответ врежется в мозг почти сразу — поменять замок. Но это потом. А сейчас я иду в прихожую и поворачиваю барашек нижнего замка на двери. Теперь не войдёт. Этот замок открывается только изнутри, а я не открою. Подумав, ещё и цепочку вешаю на всякий случай. Проверяю защёлку и цепочку — надёжно. Теперь можно спать.

В спальне устало опускаюсь на кровать и с головой заворачиваюсь в одеяло.

Ну, нет! Только не это — его запах окутывает меня густым облаком. Запах, который я так любила, теперь вызывает тошноту. Встакиваю с кровати, достаю из шкафа чистое постельное бельё и перестилаю кровать.

Сажусь на её край. Идиотка! Жила с чужим мужем! Смешно? Стыдно? И то, и другое одновременно. Я же умная, самостоятельная. Как можно было так повестись? Громкий неконтролируемый смех вырывается из меня. Я смеюсь и не могу остановиться. Постепенно смех переходит в плач. Сжимаю зубы, но задавить его в себе всё равно не получается.

Какая же ты дура, Катя! Пустила в дом мужика, не удосужившись проверить документы.

Убить тебя мало!

Глава 6

Катя

На короткое время я провалилась в сон, тяжёлый и без сновидений, а затем резко проснулась и рывком села на кровати. Где-то наверху топали соседи, с улицы в квартиру проникал шум городской суеты, город просыпался, но полумрак ещё не рассеялся. Я снова рухнула на подушку, но заснуть больше не смогла. Мысли о собственной ничтожности с упрямой настойчивостью клубились в голове, не давая расслабиться. Так и пролежала, разглядывая потолок, пока комната не наполнилась мягким утренним светом.

Сейчас просто валяюсь на диване и пролистываю каналы. Везде одно. Ток-шоу про измены, сериал про свадьбу, мелодрама про первую любовь, передача про животных — и там самец за самкой бегают. Брачный период. Тьфу! Снова переключаю канал и зависаю на истории про Египет: какие-то пирамиды, раскопки, людей нет, только камни и пески. Никогда не интересовалась древностями, а сейчас смотрю и не могу оторваться. Кажется, даже отвлеклась. Даже почти успокоилась.

Часы на смартфоне показывают 14.47. Далеко не утро, а я ещё и не завтракала. Лениво потянувшись, встаю и бреду

в направлении кухни, но не дохожу до неё. Застываю напротив входной двери. Щелчок. Поворот ключа. Снова щелчок. Ручка бешено дёргается вверх-вниз.

Сознание кричит: «Пришёл! Всё-таки пришел».

На носочках подкрадываюсь к двери и сразу же отскакиваю от неё. Удар в дверное полотно заставляет меня подпрыгнуть. А затем уши режет дверной звонок. Снова хаотичные удары. И снова звонок.

Сердце отплясывает языческий танец где-то в горле, во рту мгновенно пересыхает. Господи, пусть он уйдёт! Пожалуйста, Господи!

— Катя, открой дверь! — голос Павла похож на звериный рык.

И снова глухой удар.

— Катя, ты — взрослая женщина. Не води себя, как ребёнок. Не заставляй меня ломать твою дверь. Я сделаю это. Не сомневайся.

Стою, прижав ладони ко рту, и молюсь, чтобы дверь выдержала.

— Малыш, мы просто поговорим, — мужской голос становится мягче, — Катя, открой. Ты же моя любимая девочка, Катюш.

Его слова соляной кислотой разъедают меня изнутри.

— Самая моя любимая, нежная, ласковая девочка...

— Хватит! — кричу, подскочив к двери, — уходи! К своей жене любимой уходи!

Всхлипываю, уже совсем не контролируя себя.

— Катюш, не плачь. Открой дверь. Я не уйду, милая.

Он говорит так ласково, что хочется выть. Прислоняюсь спиной к двери и сползаю по ней вниз.

— Мои люди ждут внизу. Один звонок — они поднимутся и снесут эту чёртову дверь! Не вынуждай меня делать это. Катя, твою мать!

Вздрагиваю. Вот он, настоящий. Закрываю лицо ладонями и громко плачу.

— Катя! Ты достала меня! Открывай сейчас или я звоню своим.

— Я вызову полицию, Паша! Уходи!

— Вызывай — дверь останется целой. Я всё равно войду, малыш.

Тишина наступает неожиданно. Ушёл? Встаю с пола и смотрю в глазок — никого. Ушёл, значит. Отступаю на шаг назад. Стою, вглядываясь в тёмную поверхность двери. Минута, две... Затем снова льну к глазку и громко вскрикиваю, видя вместо лестницы и лифта чёрный зрачок в центре зелёной радужки с жёлтыми вкраплениями.

Я отшатываюсь, прижимая ладонь к груди. Сердце бьётся так, что, кажется, вот-вот треснут рёбра, а дышать становится больно. Ему же не видно ничего? Да?

— Катюш, твои глазки покраснели. Ты не спала? Или это от слёз? Девочка моя, тырываешь мне сердце. Впусти. Просто поговорим, и я уйду. Давай, милая, я всё ещё жду,

что ты сама откроешь.

Может, в самом деле уйдёт, если открою?

— Я тоже не спал. Думал о тебе. Вспоминал твои ласки, милая, твой запах. Твои стоны подо мной на репите в моей голове. Никогда и никого так не хотел, как тебя. Ни с кем...

Не жду, пока он договорит, срываю цепочку, металл режет палец, но боли я почти не чувствую. Резко открываю дверь.

— А как же твоя жена? Ты даже в ресторане не смог сдержаться, чтобы не трахнуть её! — выплёвываю ему в лицо.

Мужчина поднимает бровь и улыбается. На секунду в его глазах мелькает недоумение, которое затем сменяется хищным удовлетворением. Он смотрит на меня, как на добычу, которая сама прыгнула в руки.

— Ну, здравствуй, малыш, — он делает шаг вперёд.

Тяну дверь на себя, пытаюсь захлопнуть её. Поздно. Его нога уже на пороге. Отступаю, но Паша ловит меня за руку и притягивает к себе. Зачем я открыла?

— Как ты вкусно пахнешь, Катюша, — шепчет мне на ухо, и его горячее дыхание щекочет шею. — Как же мне нравится твоя ревность, девочка. Моя девочка.

— Убери руки! — кричу и пытаюсь вырваться, изворачиваясь ужом.

Бью его в грудь, толкаю, кусаюсь. А он только сильнее вдавливают меня в своё тело. Лишь после того, как я полностью выдыхаюсь и висну на его руках, мужчина отпускает меня и закрывает дверь.

— Давай поговорим, малыш, — Паша бросает беглый взгляд на мусорный пакет с его вещами в углу, затем на мою одежду на полу, которую я так и не убрала.

— Говори, — отхожу подальше.

Смотрю на него: на красивое лицо, на спокойные глаза, на губы, которые целовали меня тысячу раз. В горле появляется колючий комок. Мой Паша. И не мой. Такой родной и чужой одновременно. Мне хочется броситься к нему. Вот только я не знаю для чего: чтобы ударить его или чтобы обнять. Оба желания такие сильные, что я стою, не в силах сделать ни шагу.

— Что ты хочешь услышать, малыш?

— Кто ты?

— Ракитин Павел Олегович.

Осознание сказанного им медленно проникает в мой мозг. Ракитин. Павел. Олегович. Я знаю это имя. Я слышала его в новостях, видела в журналах. Только имя, никогда и нигде не появлялась его фотография. Но мой Паша носит другую фамилию — Ульянов.

— Значит, ты не менеджер строительной компании, — я не спрашиваю, только утверждаю. Мой голос ровный, а внутри всё рушится.

— Нет, Катя, — Павел смеётся низко и хрипло. — Я её владелец.

Пользуясь моим замешательством, он подходит ближе и обхватывает моё лицо ладонями. Большие пальцы мужчины

по-хозяйски стирают слёзы с моих щёк.

— Это же хорошая новость. Правда, Катя? — он заглядывает в мои глаза.

— Для кого? Для тебя? Или для твоей жены? Ах, да — вы же с ней в курсе, — цежу сквозь зубы, отталкивая мужчину.

— Малыш, не усложняй. Оправдываться и извиняться я не буду, — смотрит на часы. — Я хочу тебя, ты хочешь меня. Раздевайся. Мы и так зря потратили время на выяснения отношений. Теперь придётся по-быстрому. Давай, Катя, беги в постельку.

— Ты охренел?

— Объясни, — его взгляд тяжелеет.

— Мне объяснить? Ты. Мне. Врал. Ты. Женат. Ты даже имя своё скрыл! И ты считаешь, что я сейчас послушно раздвину ноги перед тобой? Пошёл вон из моей квартиры! Ненавижу тебя!

— А говорила, что любишь. Быстро переобулась. Ты странная, Катя.

— Уходи.

Павел шумно втягивает воздух, венка на его виске набухает и дрожит.

— Предлагаю один раз. Полное содержание, безлимит бабок на все твои хотелки, ипотеку закрою. Взамен только одно — всегда будешь готова ко мне. Два-три раза в неделю. Иногда — чаще. О своём приезде буду предупреждать заранее. В остальное время живи, как хочешь. Но запомни, в пери-

од действия нашего договора трахаю тебя только я. Ну, что? Хорошая цена для твоей гордости? Или повесить?

Если бы он сейчас меня ударил, было бы не так больно, как от его слов. Негодяй. Как я могла не понять этого сразу? Как мой Павел мог превратиться в этого жестокого и циничного морального уроды? Хотя... Он всегда был таким. А я просто не отличаюсь умом. Иначе не позволила бы себе так обмануться.

— Не молчи, Катя.

— Я не проститутка, — голос дрожит, но я смотрю Паше прямо в глаза.

Вижу, как его зрачки сужаются, превращаясь в точки.

— Проституток я не ебу. Мне нужна хорошая, чистая девочка под боком. Удобно, доступно, без суеты и выноса мозга.

— Мне это не подходит, — трясую головой.

Павел молча изучает меня, засунув руки в карманы брюк.

— Чего ты хочешь, Катя? Серьёзно.

Задумываюсь. А ведь правда, чего я хочу?

— Любящего мужа, детей, счастливую семью... — медленно выдавливаю из себя.

— Ты умная девочка, малыш. Я не разведусь. Жена полностью устраивает меня, она — мать моих детей. А ты — идеальна для секса. Ты мне даже дорога в каком-то роде. Не чужая, родная, домашняя, ласковая. Наверное, встретить я тебя чуть раньше, женился бы, — он задумчиво скользит

взглядом по моим голым ногам.

Идеальна для секса... Слова быют сильнее кнута.

— Значит, ты мне не нужен, Паша. Я рожу от другого.

— Сто тысяч дополнительно на твой счёт. В долларах, разумеется, — примораживает меня взглядом к полу.

— Почему сразу не предложил деньги? Зачем весь этот дешёвый спектакль с вымышленным именем, должностью? С мамой моей хотел познакомиться. Предложил бы сразу стать твоей содержанкой.

Павел криво усмехается и пожимает плечами. Злость в его глазах сменяется явной грустью, на долю секунды даже нежность проскакивает.

— Сам не знаю. Ты так ласково смотрела на меня. Так искренне любила. Без денег, без связей, без власти. Сначала я просто кайфовал. Затем хотел рассказать тебе всё. Потом затянуло. Жаль, что ты узнала всё так.

— Паша, пожалуйста, уходи. Я устала, — провожу ладонью по лбу. — И не возвращайся больше.

— Так решила? Хорошо. Уговаривать тебя и бегать за тобой я не буду. Мой номер телефона у тебя есть. Передумаешь — звони.

У самой двери он застывает.

— Не будь душой, Катя. Моё предложение ограничено по времени. Жду твой положительный ответ.

— Я тебе уже ответила, — шепчу едва слышно.

Он медленно оборачивается. Впивается взглядом так, что

моё тело немеет.

— Не пожалей, Катюш.

Звук захлопнувшейся двери болезненным эхом отдаётся в ушах и оседает ледяным градом в груди. Стою перед дверью и слушаю, как затихают его шаги на площадке. Лифт уехал.

В квартире становится тихо настолько, что становится не по себе, а стук крови в висках и звук капающей воды из крана на кухне вызывают тревогу.

Облегчения я не чувствую. Совсем. Лишь гадкие липкие ощущения человека, вывалившегося в грязи посреди центральной улицы города, заставляют меня обнять себя за плечи.

Телефон в кармане халата вибрирует, заставляет меня подпрыгнуть, словно от удара током. Достāju его.

Машка. Несколько секунд вглядываюсь в экран гаджета, понимая, что не могу ответить. Просто не могу сейчас говорить. Сбрасываю. Через минуту приходит сообщение:

«Кать, чего не отвечаешь? С тобой всё хорошо? Ты дома? Сейчас приеду к тебе».

Глава 7

Катя

Машка, Машка... Наверное, в мире не существует обстоятельств и людей, способных её остановить.

Я ведь ясно написала ей: «Не приезжай сегодня». А что толку?

Разрывающийся от трели дверной звонок подтверждает настырность подруги. Открываю.

Маша влетает в мою квартиру маленьким ураганом на шпильках и в белоснежной шубе. С порога окидывает меня цепким взглядом, который задерживается на моих глазах, а затем скользит ниже и упирается в чёрный мусорный пакет с вещами Павла. Девушка поджимает губы, скидывает с себя шубу и решительно направляется на кухню. Я плетусь следом.

— Чай будешь? — деловито спрашивает Машка, уже включив электрочайник.

— Не хочу, — я устало опускаюсь на стул.

— А я хочу. И ты будешь, — она ставит передо мной пустую кружку, плюхается на стул напротив и буравит меня взглядом в упор.

Я молчу. Она молчит. Тишину нарушает только лёгкое

шипение закипающего чайника. Наконец он щёлкает, выключаясь. Машка сразу же вскакивает и бесцеремонно достаёт из шкафчика чай, заваривает и разливает по кружкам.

— Рассказывай, — приказывает мне и снова плюхается на стул.

Сделав глоток чая, я обжигаю губы и отодвигаю кружку подальше от себя.

С чего начать? С того, что я неразумная? Или с того, что он — подонок? Хочется начать со второго, но придётся с первого. Потому что дураков не лечат, а подонки ещё могут измениться.

— Ну? Не тяни, Катя! — Маша нетерпеливо барабанит ногтями по столу.

Я начинаю рассказывать. Сначала запинаюсь, спотыкаюсь на каждом «он сказал», «он сделал», «я думала», «оказалось». А затем слова текут сами бурным потоком, прорвавшим плотину моего контроля. Я больше не слежу за их порядком, за тем, слушает ли Машка, понимает ли. Я просто вытаскиваю из себя всё, что накопилось внутри. Про ресторан, про Лану, про VIP-ку, про Алексея, про сегодняшнее, про его вещи, которые так и не донесла до мусорного контейнера, про унижительное желание Павла купить меня. Про всё, даже про то, что Машка и так знает.

И чем подробнее я исповедуюсь подруге, тем легче мне становится на душе и тем мокрее становятся щёки. Маша не перебивает, не задаёт вопросов, просто слушает, не отводя

взгляда.

— Он сказал, что я идеальна для секса. Понимаешь?

Я отпиваю остывший чай из кружки.

— Для секса, Машка. Я — вещь. Удобная, доступная, без выноса мозга. Вот так он мне сказал.

Я замолкаю, потому что говорить дальше уже не могу. Захлёбываюсь слезами и соплями. В горле дерёт лезвием.

Машка встаёт и подходит ко мне, обнимает.

— Дурочка ты, Катька, — говорит ласково. — Самая лучшая, самая честная, самая справедливая дурочка на свете. А он просто мудака. Олигархический.

— Я люблю его, — шепчу, глубоко вздыхая.

Жду, что она скажет: «Я знаю». Или: «Он не стоит этого». Но Машка молчит, задумчиво глядя в окно. Долго молчит.

— Тебе это только кажется, Катя. Нельзя любить таких. Он просто заморочил тебе голову, манипулирует тобой, — наконец произносит то, чего я точно не ожидала от неё услышать.

И эти Машкины слова отзываются тупой болью в груди. Я всхлипываю громче.

— Всё, Катя, хватит.

Голос подруги звучит неожиданно жёстко.

— Слышишь меня? Прекращай реветь!

Маша отстраняется от меня и начинает нервно ходить по кухне, будто ищет выход из комнаты.

— Я не буду тебя успокаивать. Не буду говорить: «Ах, ка-

кой он козёл, да как он мог, поплачь, милая, слёзы и время лечат». Случилось то, что случилось. Ты чего хотела? Выйти за него замуж и родить детей?

Поднимаю голову и вглядываюсь в девушку с лёгким удивлением.

— Ну вот и родила бы. Случайно. По залёту. И что? Счастливой стала бы?

— Маш...

— Дай договорить, — она поднимает руку, останавливая меня. — Ты бы принимала его после жены? И после других девок? Да, дорогая, конечно же, у него были бы и другие! Такие мужики не меняются. Им всегда мало. Им нужна та, которая дома ждёт, и та, которая на стороне развлекает. А ты у нас кто? Правильно. Вторая. И всегда была бы второй. Даже если бы он ушёл от жены, нашлась бы ещё одна, моложе, красивее, и ты бы уже была первой, но скоро узнала бы, что есть третья.

Маша права. Во всём. Но как же неприятно это слушать! И стыдно...

Я опускаю голову и только сейчас замечаю, что больно впииваюсь пальцами в колени.

— Поэтому хорошо, что это всё произошло! — Маша резко садится на стул и бьёт ладонью по столу, заставив кружки подпрыгнуть. — А теперь вытри слёзы и скажи: «Слава Богу!»

— Маша, я...

— Скажи!

— Слава Богу, — выдыхаю.

— Громче! Чтобы сама поверила.

— Слава Богу, — повторяю громче, стараясь придать голосу твёрдость.

— Вот, — Маша откидывается на спинку стула, довольно кивая. — Слушай дальше. Нечего тут переживать. Мужиков вон знаешь сколько? Как собак нерезаных. А ты у нас красивая, умная, с квартирой, с работой, с головой на плечах, хоть иногда её и теряешь.

Последние слова Маша произносит с заметным нажимом и выразительно мне подмигивает.

— Найдёшь себе нормального, без довесков в виде жены и детей. И не конченного манипулятора.

— Легко сказать, — бормочу ей в ответ.

— А кто говорил, что будет легко? — Маша фыркает. — Жизнь вообще тяжёлая штука. Но чтобы ты снова в депрессию не впала и чтобы дурь из твоей головы выбить быстрее, в пятницу девичник устроим.

— Что?

— Девичник. У тебя. Ты, я, Лика и Наташа, — Маша встаёт и открывает холодильник, — музыка, вино, сплетни, танцы на столе, драки с подушками.

Она разочарованно вздыхает, изучив содержимое моего прибора для хранения еды, явно не впечатлившее её.

— И стриптизёров вызовем, чтобы скучно не было! — по-

друга хлопает дверцей холодильника.

— Каких стриптизёров? Ты с ума сошла? — я даже со стула вскакиваю от такой новости.

— А что такого? — Машка разворачивается в мою сторону и широко улыбается. — Посмотрим, поохаем, потрогаем, короче, повеселимся. Ты же не замуж за них выходить собралась? Вот именно.

— Маша...

— Всё решено, — подруга подходит ко мне и снова крепко обнимает. — Не парься, Кать. Прорвёмся.

Я молча утыкаюсь носом в её плечо.

— Вот и славно, — Маша хлопает меня по спине. — А этот твой... Паша... да пошёл он. Жене своей пусть сказки рассказывает. А мы с тобой жить будем. Хорошо жить. Весело. Поняла?

— Поняла.

Машка отстраняется и смотрит на часы на своём запястье. А я впервые за последние сутки думаю, что действительно всё будет хорошо. Или хотя бы не так паршиво.

— Блин, я побегу. И так опаздываю на смену.

Машка чмокает меня в щёку и бежит в прихожую.

— А стриптизёры — это уже перебор, — бросаю ей вслед.

Маша закатывает глаза и демонстративно вздыхает, хватаясь за голову.

— Маша, я серьёзно.

— Ну, посмотрим. Уговоришь меня — отменю, — натя-

гивает сапоги.

— Маша!

— Ладно-ладно. Без стриптизёров. Но пить будем много!

— Договорились, — усмехаюсь. — Кстати, Маш? А где ты была? Ну, пока я тебя заменяла.

На секунду Маша замирает, её пальцы застывают на пуговице шубы, так и не застегнув её.

— Да так, не важно. Мужик оказался козлом. Забудь, — отмирает наконец.

— Маш? А что происходит? Раньше у тебя не было секретов от меня.

— Так, а это и не секрет. Рассказывать нечего. Говорю же: мужик — козёл. Поимел меня и кинул. Всё.

Подруга быстро застёгивает шубу, смотрит в сторону. Неужели она...

— Ты всё подстроила? Специально мне подработку организовала? В нужное время и в нужном месте. Не было у тебя никакого мужика. Дома просидела?

Маша шумно вздыхает и ловит мой взгляд. В её глазах мелькает вызов. Но я знаю подругу слишком хорошо: под этим вызовом прячется страх. Она боится, что я её выгоню. Но продолжает.

— А как тебе открыть глаза надо было? А так и правду узнала, и денег заработала. Елена Ивановна, кстати, звонила мне. Она готова тебя на постоянку взять. Подумай.

Я хмурюсь. Ресторан — это последнее место, куда я хочу

возвращаться.

— Маша... Ты давно знаешь?

Маша передёргивает плечами.

— Он часто к нам ходит. И с женой, и не только. Молчать мне приказал... Ну, тогда, когда ты нас познакомила. Угрожал, гад. Я и молчала. А тут удобно всё так сложилось — он VIP-ку заказал. Я случайно узнала, увидела его имя в журнале заказов у администратора. Решилась. Не убьёт же.

«И не только» — иглой вонзается в сердце. Значит, я была не единственной «второй». Просто одной из. Очередной идеальной для секса.

— Понятно, — отворачиваюсь.

Слышу, как Маша теребит шубу.

— Кать, прости меня. Надо было тебе самой всё рассказать, не подставлять так. Но ты не поверила бы мне. Если бы я пришла и сказала: «Твой Паша — женатый олигарх, у него дети и он тебя использует»? Поверила бы?

Не отвечаю.

— Да, я подстроила! А ты бы сама очнулась? — Маша повышает голос и всхлипывает, — ты на работу забила, на подруг забила, ты дышала им! Я тебе говорила — проверь, кто он, в социальные сети хотя бы зайди. Намекала! А ты: «Он хороший, он любит, он не может врать». Ты у матери своей когда в последний раз была? Я устала смотреть, как ты тонешь, и решила вытащить тебя за шкуру. Да, это больно. Но ты нормальная теперь. А была бы куклой! Катя! Я хотела,

как лучше, а получилось вон как... Ну, Кать...

Поворачиваюсь к ней. Машка стоит, закрыв лицо руками, по которым бегут черно-красные ручейки и застывают грязными пятнами на белоснежном мехе. Трясётся вся. Вот дурёха упрямая.

— Я не злюсь на тебя.

Машка убирает руки с лица и вскидывает голову, глаза красные, виноватые-виноватые, а щёки мокрые и грязные от потёкшего макияжа.

— Правда - правда? — она моргает.

Подхожу и обнимаю девушку. Машка так сжимает меня в ответ, что дышать становится сложно.

— Ты как на работу поедешь? Испачкалась вся! Приехала меня успокаивать, а ревёшь сама!

— Да чёрт с ней, с той работой! Кать, я так виновата, — снова всхлипывает, — только сейчас поняла, как больно тебе сделала.

— Знаешь, Машка, ты права. Если бы я не увидела его настоящего в ресторане, я бы ни за что тебе не поверила. А его бы простила. Всё, мир. Не реви! Иди лучше умойся, — отступаю на шаг.

— В машине салфетками вытру, — Машка небрежно вытирает щёки и энергично растирает ладони.

Она пытается успокоиться, но слёзы всё ещё бегут.

— Ну, тогда до пятницы! Девичник. Не забудь!

Подруга вымученно улыбается и хватает мусорный пакет

с вещами Павла. Выбегает из моей квартиры.

— Выкину по дороге, — бросает мне вместо «до свидания».

Глава 8

Катя

Дверь звенит так, что пожарная сирена нервно переминается в сторонке. Звук неприятно врезается в уши, отчего я даже подпрыгиваю на месте, нож в моих руках скользит по пальцу. Рыбная нарезка тут же вспыхивает красным. Хорошее начало вечера. Очень многообещающее.

Зажимаю палец полотенцем. Открываю дверь.

Машка врывается в квартиру с двумя огромными пакетами. Скидывает шубу прямо на пол. На подруге — короткое красное платье, от которого у мужиков глаза на лоб полезут, а их жёнам обеспечен нервный тик.

— Чего так долго, Кать?

Пожимаю плечами. Палец пульсирует, на полотенце проступает кровь.

— А это что? — Маша кривится, переводя свой взгляд на мою руку.

— Рыбу резала. Пальцы теперь тоже в нарезку пойдут, — пытаюсь пошутить.

— Мг... Так тебе и надо, — подруга тащит пакеты на кухню, но я замечаю, как она косится на полотенце, как чуть замедляет шаг, будто хочет обернуться и убедиться, что всё в

порядке. — Говорила же тебе: не готовь ничего. Ты сегодня — гостья.

— Маш, это моя квартира, — иду за ней.

— Не придирайся к словам. Лучше попой шевели. Через час девки приедут.

Заглядываю в пакеты. Из одного торчит горлышко шампанского, из другого — розовые пряди, а запах еды заставляет желудок проснуться, будто он только сейчас понял, что последние дни я почти ничего не ела.

— Ты стриптизёра что ли притащила? — не понимаю, что она ещё такое придумала.

— Ага. Самого лучшего. С розовыми кудрями.

Машка закатывает глаза и вынимает из пакета парик. Ярко-розовый, длинный и кудрявый. Он искрится блёстками так, что глаза режет.

— Это для тебя. Будешь звездой вечера, — протягивает мне это розовое чудо.

— Я не буду это надевать.

— Будешь-будешь, — Машка достаёт из пакета ещё один маленький пакетик. — И это наденешь.

Забираю из её рук нечто. Интуиция подсказывает, что ничего нормального сюда не поместится, а значит, меня ждёт очередной треш от Машки.

Раздираю пакет просто, блин, столбенею, забывая, что на этой планете нужно дышать, чтобы выжить.

— Это что? — прибиваю Машку взглядом к полу.

— Так, я передумала! На стол сама накрою. А ты давай, шуруй краситься и одеваться.

Подруга не отвечает на мой вопрос, а начинает опустошать пакеты. Мой стол превращается в скатерть-самобранку.

— Чего застыла? Иди переодевайся, говорю, — командует Машка, ставя на стол рядом с шампанским четвёртую бутылку вина.

— Ты с ума сошла. Мы столько не выпьем.

— Катя, мы будем очень много пить, есть, танцевать и орать песни. Чтобы соседи вызвали полицию. Чтобы ты завтра проснулась с больной головой и вспоминала не своего зеленоглазого мачо, а то, как мы отжигали. Поняла?

— Поняла, — бурчу ей в ответ, вертя на пальцах маленькую чёрную тряпочку.

— А раз поняла, вали отсюда. И не мешай мне.

Маша силой выталкивает меня из кухни и вручает мне парик.

— У нас вечеринка плохих девочек. А плохие девочки прилично не одеваются. Так что не выделяйся. Наташка с Ликой тоже в таком будут. И накраситься не забудь, как в универе. Помнишь?

— Помню. Только ты мне одежду забыла выдать.

Кому я говорю? С кем пытаюсь спорить? Машка уже выпала из нашей реальности и занимается исключительно подготовкой стола. Я слышу, как она гремит тарелками и что-то бормочет себе под нос.

В спальне смотрю на себя в зеркало и понимаю: эта сумасшедшая точно хочет моей смерти.

Чёрное платье, которое она мне всучила, — это даже не платье. Это кусок ткани размером с широкий пояс, который каким-то чудом держится на лямках. Я кручусь, рассматривая себя со всех сторон. Этот кошмар едва прикрывает пятую точку, а спереди декольте такое, что сама Памела Андерсон позавидовала бы. Одно неосторожное движение, и платье треснет по швам.

— Машка, ты дура! — ору в сторону кухни.

— Ага! — доносится в ответ.

Что с неё взять? Тянусь к парикю. Кислотно-розовая копна мягко опускается на плечи. Синтетика щекочет шею и пахнет чем-то химическим. Так, что там дальше? Накраситься, «как в универе». О-о-о, это отдельный квест. Мы тогда красились так, что наши лица было видно из космоса. Нет, ни за что не повторю. Веду чёрные стрелки, густо крашу ресницы и обвожу губы розовой помадой в тон парикю. На большее меня не уговорит даже Машка.

Я и так похожа на ожившую куклу Барби для плотских утех. Обречённо вздыхаю и поджимаю губы. Для плотских утех, идеальна для секса... Моргаю часто-часто. Нельзя. Макіяж потечёт.

— Катка... — выдыхает за спиной Маша.

Оборачиваюсь. Она стоит в дверях и восторженно рассматривает меня.

— Ну? — спрашиваю. — Чего молчишь?

— Ты... это... богиня.

— Точно. Богиня борделя, — хмурюсь.

— Какая разница? Мужики побегут за тобой, как коты за валерьянкой. Ой, нет. Как хоккеисты за шайбой побегут, потому что без драки точно не обойдётся!

Посмотрев на подругу, стучу пальцем по виску.

— Мне не нужны мужики, — бреду на кухню.

Здесь уже стоят тарелки с готовой едой. Несколько видов пиццы порезаны, роллы и суши разложены, сырная и мясная тарелки готовы, овощи, фрукты, оливки... Всё стоит на полу. Осталось перенести это великолепие в зал, куда с помощью Машки, видимо, переместился стол.

— Я мясо запекла и картошку с сыром. В холодильнике. Подогрей в микроволновке, — прошу подошедшую подругу. — И салаты достань с бутербродами. А я тарелки занесу.

Через пятнадцать минут любуюсь накрытым столом. Поправляю скатерть, посуду, расставляю бокалы. Вот она, непредсказуемая жизнь. Вчера я рыдала в подушку, а сегодня готовлюсь к девичнику.

Машка подходит и поправляет мой парик.

— Ты должна всегда выглядеть офигенно, Кать. Для себя. Поняла?

Киваю. В следующую секунду оживает дверной звонок, и Машка несётся открывать.

А я остаюсь стоять у стола. В розовом парике и в чёр-

ном платье-поясе. И впервые за последние дни мне хорошо. Странно, неожиданно, даже как-то тревожно, но хорошо.

— Это Лика с Наташкой! — визжит Маша из прихожей.
— У нас тут пополнение в рядах шлюшек!

Лика входит в зал и замирает в позе человека, увидевшего тюленя на велосипеде. Наташка за ней тоже притормаживает.

— Красотка, — выдыхает Лика.

— Я — звезда вечера, — улыбаюсь, — Машка сказала.

— Машка — гений! — хохочет Наташа, согнувшись пополам.

Её ультракороткое белое платье натягивается, а длинные кудри яркими огненными языками скользят по полу.

— Держи, — Лика целует меня в щёку и протягивает коробку конфет. — Дима передал. И вот ещё тоже.

Она ставит на стол бутылку коньяка, скидывает пальто и передаёт его Маше, а затем с видом королевы в своём золотом облегающем платье садится за стол.

— Лика! Мы же договаривались, что будет вечеринка в стиле шлюшек! — разочарованный Машкин голос заставляет Наташку распрямиться, мотнув при этом головой так, что разлетающиеся пряди её волос с характерным звуком касаются Машиного лица.

— Ой, прости, — Наташка гладит Машку по плечу.

— Чего ты разоралась? Я просто элитная. Смотри, — Лика приподнимает бедро и демонстрирует разрез на платье по-

чти до самой талии, выставляя таким образом на всеобщее обозрение длинную изящную ножку. — Дресс-код не нарушен. Успокойся.

— Ага. Не нарушен. Выпендрёжница! Как тебя только муж терпит?

Лица улыбается так, будто за эту улыбку ей платят миллионы долларов.

— Кнут и пряник. Слышала об этом методе? Вот сегодня он дома нянькой подрабатывает. Это кнут. А я вернусь, и будет ему пряник.

— А мой Валера меня ни фиги не слушает. Только подкалывает постоянно. Рассеянным солнышком обзывает, — обиженно поджимает губы Наташка. — Как будто я дурочка какая.

— Дурочки не носят такие платья, Нат. Он просто боится, что кто-то заметит, какая ты на самом деле потрясающая. Вот и ломает твою самооценку. Ты слишком много ему позволяешь. Жёстче надо быть. Как я с Димой.

— Легко тебе говорить. У тебя Дима под каблуком. А мой... — вздыхает подруга, — мой меня вообще за человека не считает. Вчера сказал, что я без навигатора из дома выйти не могу, а за руль сесть — тем более. Представляете?

— Так, дамы! Правила вечера: не ныть, не вспоминать бывших и настоящих, не смотреть в телефон. Только пьём, едим и танцуем. Поняли? — Машка толкает Наташу к столу.

— Поняли! — орём хором.

Бокалы звенят. По телу разливается тепло и приятное равнодушие. Мы просто болтаем о всякой ерунде. При этом громкость нашего разговора постепенно увеличивается, а градус откровенности зашкаливает. Я смеюсь. Впервые за несколько дней. Реально смеюсь, до слёз и до коликов в животе.

— Спасибо вам. Давайте, за нас! — встаю и поднимаю бокал, — просто за нас!

— За нас! — подхватывают девчонки.

— А теперь — музыка! — Машка ставит бокал на стол так, что недопитое вино выплёскивается на скатерть, и хватает телефон.

Через секунду в квартире уже гремит музыка.

— Танцуем! — Наташка выскакивает из-за стола, вытягивая меня за руку.

К нам подскакивает Машка и медленно подходит Лика. Наташка двигается как угорелая: волосы разлетаются, глаза горят. Лика совершает такие движения, будто и днями, и ночами пропадает в клубах, хотя я точно знаю, что она сейчас максимум на корпоративах с мужем танцует и на детских утренниках хороводы водит. Ну, а Машка, как всегда, отрывается по полной.

А я просто плыву в такт музыки. Вино сделало своё дело: голова кружится, тело слушается плохо, но мне всё равно. Я закрываю глаза и двигаюсь. Не думая. Не вспоминая. Не страдая. Чувствуя, как уходит напряжение и как тают мысли

о Павле.

Вздрагиваю от уверенного прикосновения. Это Машка обнимает меня за талию.

— А помните, — она перекрикивает музыку, — как мы в универе отжигали? На крыше общежития?

— Ага, — подтверждает Лика, — а потом коменда нас ловила, а мы через окно в туалете сбегали и в парке до утра гуляли!

— Это мы гуляли, а ты к своему Димке убегала постоянно, — возражает Наташа, — и там ночевала!

— Ой, тоже мне вспомнила. Пару раз такое было. Ты к своему Валере чаще меня бегала.

Песня заканчивается.

— Так, девки. Стоп, — Маша выключает музыку, — у нас звезда вечера кто? Правильно — Катя. Так что, Катя, давай, полезай на стол!

— Вот выдумала. Не полезу, — я округляю глаза. Что она снова задумала?

— На стол! На стол! На стол! — Наташа хлопает в ладоши.

Маша уже роется в телефоне. Через мгновение комнату заполняют тягучие восточные мотивы с барабанами и флейтой.

— Давай как на свадьбах, помнишь, Кать? — не успокаивается Машка.

Конечно, помню. Как такое забыть? Мы с ней тогда и официантками подрабатывали, и восточные танцы на свадьбах и

дней рождения отплясывали. Даже на какие-то курсы ходили перед этим, чтобы танцевать «профессионально».

— Да ну, — пытаюсь отмахнуться. — Я уже сто лет не...

— А нам плевать! — Лика уже переставляет тарелки со стола на пол и тумбочку. — Хотим шоу!

— Давай-давай-давай! — скандируют девчонки.

Смотрю на их горящие глаза, на их улыбки. И вдруг решаю: а почему бы нет?

Скинув тапки, забираюсь на стол. Он шатается, но держит.

— Осторожно! — беспокоится Машка. — Мы подстрахуем!

Моя антикризисная бригада окружает стол со всех сторон. Девчонки готовы ловить, если полечу.

Закрываю глаза.

Волшебная гипнотическая мелодия уверенно проникает в меня.

Руки тянутся вверх сами, как в замедленной съёмке индийского фильма. Пальцы складываются в причудливые фигуры. Бёдра качаются. Плавно. Волна за волной.

— Вот это да! — не выдерживает Лика.

Открываю глаза и вижу, что девчонки наблюдают за мной, будто заворожённые. Наташка прикрывает рот ладонью.

Вхожу в раж. Движения становятся резче, а бёдра — быстрее. Руки извиваются змеями. Волосы закрывают лицо. Кручусь. Изгибаюсь. Наклоняюсь. Трясу всем, чем можно тряхсти.

Делаю особенно резкое движение ногой. Стол скрипит, но не разваливается. Девчонки взрываются аплодисментами. А я продолжаю: танцую, живу.

И вдруг...

Грохот. Такой, что стены дрожат. Порыв ветра, которому неоткуда взяться. Громкий топот и звон люстры, встречающейся с полом. Повисший полумрак, разбавленный только светом фонарей с улицы и гирляндой на стене, которую я повесила на Новый год и забыла снять.

А ещё мужские ботинки, вынырывающие из неровной полосы света, тянущейся из прихожей. Грязные и тяжёлые...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.